

## Эволюция университетской автономии и академической свободы в оценках преподавателей университетов

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-48-66

**Дежина Ирина Геннадиевна** – д-р экон. наук, руководитель Аналитического департамента научно-технологического развития<sup>1</sup>, ведущий научный сотрудник<sup>2</sup>, ORCID: 0000–0002–3402–3433, Research ID: F-7485–2014, [i.dezhina@skoltech.ru](mailto:i.dezhina@skoltech.ru)

<sup>1</sup> Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия

Адрес: 121205, г. Москва, Большой бульвар, 30, стр. 1

<sup>2</sup> Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Адрес: 634050, Томск, пр. Ленина, 36

**Аннотация.** *Статья посвящена анализу изменений университетской автономии и академической свободы на протяжении позднесоветского и постсоветского времени, какими их видят преподаватели ведущих вузов, и выявлению факторов, на них влияющих. Цель статьи – выявить элементы советских практик, обеспечивавших, по мнению преподавателей университетов, благоприятные условия для работы, и оценить возможности их использования в современных условиях.*

*Исследование основано на глубинных интервью, проведённых с преподавателями двух ведущих российских исследовательских университетов, расположенных в Москве и Томске. Большинство информантов имели опыт работы в университетах в советский период. Они рассуждали о степени преемственности университетской автономии и академической свободы в своих университетах и о связанных с ними наиболее эффективных управленческих практиках.*

*Изучение мнений показало, что советский опыт по-разному воспринимается как внутри университетов, так и между ними. Многие информанты к положительным сторонам советского опыта отнесли гарантированное государственное финансирование и отлаженную систему сотрудничества с промышленностью на основе «хозяйственных договоров». Это, в свою очередь, поддерживало высокий статус преподавателей. Оценки современного периода полярные. Одни считают, что сейчас университеты достаточно автономны, и у преподавателей есть академические свободы. Другие – что они значительно сократились, а государственный контроль усилился.*

*Прослеживание эволюции от советского периода к современному показало важность диверсификации, в первую очередь в формах и источниках финансирования. При этом прямой перенос успешных советских практик в современные условия вряд ли возможен.*

**Ключевые слова:** университетская автономия, академическая свобода, преемственность, эволюция, советский опыт, финансирование науки

*Для цитирования:* Дежина И.Г. Эволюция университетской автономии и академической свободы в оценках преподавателей университетов // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 5. С. 48–66. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-48-66

## Evolution of University Autonomy and Academic Freedom in the Evaluation of University Faculty Members

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-48-66

**Irina G. Dezhina** – Dr. Sci. (Economics), Head of the Analytical Department for Scientific-Technological Development<sup>1</sup>, Leading Researcher<sup>2</sup>, ORCID: 0000-0002-3402-3433, Researcher ID: F-7485-2014, i.dezhina@skoltech.ru

<sup>1</sup> Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russia

Address: 30 Bol'shoy Bul'var, b. 1, 121205 Moscow

<sup>2</sup> National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Address: prospekt Lenina, 36, 634050, Tomsk

**Abstract.** The article analyzes the changes that have occurred in university autonomy and academic freedom in the late Soviet and post-Soviet period from the point of view of the faculty members of leading universities and the main influencing factors. The aim is to identify successful Soviet practices from the faculty members' point of view and to assess the possibilities of their use in the current conditions.

The study is based on in-depth interviews conducted with faculty members of two leading Russian research universities located in Moscow and Tomsk. The majority of the informants had worked at the universities during the Soviet period. The informants expressed their opinions on the degree of succession of university autonomy and academic freedom in their universities, and on the factors influencing it.

The survey revealed that the Soviet experience is perceived very differently both within and between universities. Positive aspects of the Soviet experience include guaranteed state funding and a well-established system of cooperation with industry based on “economic contracts”. These supported the high status of faculty members. Assessments of the modern period are polar. Some believe that this is the period of a reasonable degree of university autonomy and academic freedom, while others believe that it has been greatly reduced and that state control has increased.

Tracing the changes in university autonomy and academic freedom reveals the importance of diversification, especially in funding schemes. The direct transfer of Soviet practices is hardly possible.

**Keywords:** university autonomy, academic freedom, continuity, evolution, Soviet experience, science funding

**Cite as:** Dezhina, I.G. (2024). Evolution of University Autonomy and Academic Freedom in the Evaluation of University Faculty Members. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 5, pp. 48–66, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-48-66 (In Russ., abstract in Eng.).

### Введение

В настоящее время происходит пере-  
оценка опыта советского периода в области

организации научно-образовательной дея-  
тельности, и обсуждается возможность воз-  
врата к успешным практикам прошлого. Так,

руководство Минобрнауки полагает, что важно изучать советский опыт в этой сфере<sup>1</sup> и понимать, насколько применимы те или иные управленческие практики. В этой связи актуальным становится анализ преемственности университетской модели и практик с советского до настоящего времени.

Вопросы преемственности и традиции, в том числе в российском контексте, до сих пор вызывают дебаты [1; 2]. Основная полемика строится вокруг того, насколько непрерывной является преемственность, что в определённой степени зависит от уровня абстрагирования. Преемственность многоаспектна. В том числе, она может рассматриваться в преломлении к таким базовым ценностям функционирования университетов, как университетская автономия и академическая свобода преподавателей и исследователей. Они определяют характер отношений университета с внешними стейкхолдерами, а также между администрацией и преподавателями, и влияют на то, как выстраиваются образовательный и научный процессы. Данные понятия взаимосвязаны. Академическая свобода может рассматриваться как признак автономии [3], и в то же время связь автономии и свободы непрямая, поскольку наличие университетской автономии не обязательно гарантирует академическую свободу [4]. Изменения университетской автономии и академической свободы зависят от нормативно-правового регулирования. Государство задаёт условия и правила для функционирования университетов, которые изменяются во времени.

Изучение того, в чём заключается преемственность автономии и свободы после перехода от советской модели к неоднократным трансформациям постсоветского периода, представляется важным, поскольку позволяет понять, насколько устойчивыми оказались традиции в университете, и что из

утраченного заслуживает внимания с точки зрения возможной модернизации существующих практик.

В данной статье рассматривается проблема преемственности элементов советской модели университета через восприятие преподавателями ведущих российских вузов, в которых давно сложились традиции исследовательской деятельности. В фокусе внимания находятся изменения университетской автономии и академических свобод преподавателей, в том числе в их научной деятельности. Анализ базируется на воспоминаниях преподавателей об автономии и академической свободе в советский период и сравнении их с ранним постсоветским и современным периодами. Основная цель состоит в том, чтобы на основе прослеживания эволюции выделить те характеристики прошлой системы, которые сегодня видятся преподавателям привлекательными.

В статье рассматриваются понятия преемственности, университетской автономии и академической свободы, в том числе в российском контексте, описывается методика сбора мнений преподавателей об изменениях в университетской автономии и академических свободах в период от советского устройства к современному, обсуждаются полученные результаты и делаются выводы о возможности использования в настоящее время элементов советского опыта.

### **Университетская автономия и академическая свобода в контексте преемственности**

Вопросы преемственности университетской традиции, университетской модели остаются дискуссионными и рассматриваются на разных уровнях обобщения. Если отталкиваться от основных функций, которые выполняет университет, а именно занимается образованием и научными иссле-

<sup>1</sup> Суворова А. Книга о советском опыте управления в науке представили на III Конгрессе молодых учёных // Учительская газета. 30 ноября 2023 г. URL: <https://ug.ru/knigu-o-sovetskom-opyte-upravleniya-v-nauke-predstavili-na-iii-kongresse-molodyh-uchenyh/> (дата обращения: 10.05.2024).

дованиями, то можно говорить о том, что существует преемственность и неизменность университетской модели. Так, Г. Майер [5] полагает, что преемственность существует и обеспечивается базовыми традициями университета, например такими, как обязательность научной деятельности преподавателя и поддержание тесной связи университета с реальным сектором экономики. Похожего мнения придерживается Е. Водичев [6], считающий, что новые статусы, которые стали получать университеты в России, не привели к существенным изменениям в управленческих практиках, что позволило сохранить преемственность. Особенно это характерно для университетов, где руководители занимали свои посты в течение длительного времени.

Другая точка зрения состоит в том, что нет единой университетской традиции как таковой [2], а применительно к российской действительности признание неизменности университетской традиции опасно, поскольку исключает возможность допустить «множественность» университетского прошлого и делает Россию зоной «особого пути» [7].

Преемственность может проследиваться через изменения в управленческих практиках. В российских исследованиях часто выделяется позднесоветский период, когда произошло резкое снижение государственного регулирования работы вузов и они на законодательном уровне<sup>2</sup> получили автономию [8]. Это привело к разрушению советских иерархических отношений в условиях, когда отсутствовали горизонтальные связи. Поэтому университеты начали выстраивать собственные стратегии адаптации [9]. Следующим выделяется этап с середины 2000-х гг. как период растущего вмешательства государства. Таким образом, преемственность моделей функционирования университетов связывается с проблемой университетской автономии, то есть с изменениями в фор-

мальных отношениях управления между государством и университетом и последствиями этих изменений [10]. В целом автономия подразумевает свободу действий, которой обладает университет при принятии решений по важным вопросам своей деятельности [11].

Понятие университетской автономии в общем случае используется для описания и изучения отношений управления между внешними заинтересованными сторонами, чаще всего государственными органами, и университетом, как на уровне университетской системы в целом, так и отдельных организаций. Иногда в число «основных стейкхолдеров» включаются, помимо государства, бизнес, общество, а также студенты [12].

Трактовка университетской автономии менялась со временем, но, как правило, она рассматривается через составляющие компоненты. Ряд авторов выделяет содержательную и процедурную автономию [3; 13], а также академическую свободу, то есть свободу университета в поиске новых знаний и в передаче их студентам и обществу. Содержательная автономия подразумевает свободу в выборе университетом стратегических целей своего развития, а процедурная заключается в самостоятельном выборе способов и механизмов, с помощью которых университет осуществляет свою деятельность. Р. Бердал [14] выделял два компонента автономии – содержательную и процедурную. Академическую свободу он считал частью содержательной автономии, поскольку она касается образовательной и научной деятельности университета.

Автономия может раскрываться через основные функции, выполняемые университетом (институциональная автономия). В этом случае она заключается в степени независимости университета в определении внутренней структуры и управления, фи-

<sup>2</sup> Указ Президента СССР от 12 октября 1990 г. № УП-868 «О статусе высших учебных заведений». URL: <https://base.garant.ru/6321444/> (дата обращения: 14.05.2024).

нансировании (включая распределение бюджета, определение размера платы за обучение), кадровой политике (наём персонала, назначение зарплат и условия повышения в должности), а также политики в области образовательной и исследовательской деятельности [4; 15–17].

Автономии можно также рассматривать в зависимости от областей взаимодействия с государством и другими стейкхолдерами. Так, выделяют структурную, финансовую, юридическую (предоставление определённых прав в зависимости от статуса) и интервенционную автономию (свободу от внешних санкций за несоблюдение правил) [18]. Наконец, автономия может быть формальной и неформальной [19]. Формальная (юридическая) автономия закрепляется законодательно [20–22]. Неформальная касается того, как университет реализует данную ему формальную автономию на практике.

Университетская автономия в контексте преемственности может рассматриваться через изменения нормативно-правового регулирования. Изучение университетской автономии в советский и постсоветский периоды показало, что наиболее «свободными» были 90-е – начало 2000-х гг. [23], когда университеты получили право самостоятельно формировать учебные планы, определять проблематику научных исследований, развивалось университетское самоуправление, и была выборность руководителей от ректора до заведующих кафедрами. Это закреплялось в Федеральном законе 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (утратил силу)<sup>3</sup>, в котором определялись понятия автономии вузов и академических свобод педагогических

работников. Затем, в 2001 г., было принято Постановление Правительства, которым закреплялось понятие «образовательной услуги»<sup>4</sup>. Это усилило сервисные функции вузов [24], снизив университетскую автономию. Представление о том, что вузы оказывают услуги, закрепилось на длительное время, вплоть до 2022 г., когда термин «услуги» был исключён из Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Тем не менее именно этот закон, принятый в конце 2012 г., по сути, сократил автономию вузов. В нём самоуправление ограничено разработкой локальных нормативных актов с опорой на федеральные законы, а по сравнению с законом 1996 г. больше не упоминается возможность самостоятельного выбора тематик научных исследований<sup>5</sup>. Тогда же обновлялись университетские уставы, и в них закреплялась централизация власти на уровне общеуниверситетских органов и ректора [21]. Позднее большинство государственных вузов приняли уставы, отменяющие избираемость ректоров. Согласно опросу ректорского корпуса [25], около 75% ректоров отметили ограничения их самостоятельности и попытки «урезания» автономии. Остальные посчитали свои вузы сохраняющими автономию и не ощущающими на себе давления государства. К концу 2010-х гг. появились оценки, что начался возврат к советской модели университета, встроенного в управленческую вертикаль [23].

Однако стоит отметить, что ограничение автономии не обязательно приводит к снижению эффективности работы вуза. По одним исследованиям, автономия не является гарантией более высокой результативности

<sup>3</sup> Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996 № 125-ФЗ (утратил силу). URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_11446/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/) (дата обращения: 14.05.2024).

<sup>4</sup> Постановление Правительства РФ от 5 июля 2001 г. № 505 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» (утратило силу). URL: <https://base.garant.ru/183488/> (дата обращения: 14.05.2024).

<sup>5</sup> Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_140174/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/) (дата обращения: 14.05.2024).



деятельности университета [26], по другим – более широкая автономия позволяет университетам быть эффективнее [27]. По всей видимости, важен вопрос баланса. Как справедливо отмечает В.С. Никольский, достижение высокой степени автономии ведёт университет к излишней изоляции от общества, институциональная автономия может стать основой злоупотреблений в академической сфере и в таком случае прямо угрожать академической свободе. В то же время чрезмерная зависимость от политической или экономической власти превращает вуз в рядовой «полезный» институт [4, с. 152].

Академическая свобода, в отличие от автономии, касается отдельного учёного и означает возможность преподавать и проводить исследования, не опасаясь наказания или увольнения [10]. При соблюдении принципов академической свободы администрация университета и внешние стейкхолдеры не вмешиваются в деятельность преподавателей и исследователей [28]. Изначально академическая свобода трактовалась как свобода преподавателя решать, чему и как учить [29]. Позднее понятие академической свободы распространилось и на научную деятельность [30]. Со временем академическая свобода стала в большей степени ассоциироваться именно с проведением научных исследований [31]. На академическую свободу могут влиять внешние и внутренние факторы, такие как: политический, исторический, культурный и идеологический контекст, академическая этика, социальная ответственность и обязанности [32; 33]. Таким образом, академическая свобода связывается не только с принципами управления в университете, но и социокультурными традициями [34].

На материалах российского высшего образования изучаются преимущественно академические свободы в преподавании [35; 36]. В разные периоды отмечалось, что академическая свобода в преподавательской деятельности в целом сохраняется, и количественные опросы это подтверждают. Хотя одновременно фиксировались ограничения

на выражение собственного мнения [37]. В исследовательской деятельности академическая свобода рассматривается в контексте проблем нового менеджериализма [38] и погони за публикациями [39], которые в определённой степени ограничивают академические свободы учёных.

### Методика исследования

Эволюция университетской автономии и академической свободы изучалась на основе глубинных интервью, в которых преподаватели и сотрудники выбранных университетов высказывали свои мнения о преимуществах университетской модели, изменениях в университетской автономии и академических свободах на протяжении от позднесоветского периода до настоящего времени. В том числе, информанты говорили о факторах, определяющих произошедшие изменения. Стоит отметить, что были собраны именно мнения – они не равнозначны знаниям, поскольку знания должны быть логически и фактически обоснованы и эмпирически проверяемы.

Было выбрано два ведущих университета, имеющих специальные статусы: один – столичный (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, далее МГУ), а второй – региональный (Национальный исследовательский Томский государственный университет, далее ТГУ). Специальной задачи сравнения двух университетов не ставилось, хотя проведение параллелей допустимо, так как оба университета находятся в относительно привилегированных условиях по сравнению со многими другими российскими вузами и имеют давнюю исследовательскую традицию. Кроме того, при обобщении результатов интервью выяснилось, что есть ряд аспектов, по которым заметна разница мнений, что заслуживает интерпретации. В частности, особый статус МГУ и неизменность его руководства повлияли на то, как респонденты воспринимают эволюцию МГУ, выделяя его из всей системы высшего образования.

МГУ всегда был ведущим университетом России, а в 2009 г. это было закреплено законом об особом статусе МГУ<sup>6</sup>. В 2016 г. МГУ получил право самостоятельно присуждать степени кандидата и доктора наук<sup>7</sup>. Университету гарантировано бюджетное финансирование исследований, у него отдельная строка в федеральном бюджете, в рамках консолидированной Государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Наконец, МГУ – это единственный российский вуз, который, не участвуя в Проекте 5-100, входит в топ-100 двух мировых рейтингов. Так, в рейтинге QS в 2024 г. МГУ занял 87-е место, а следующий за ним СПбГУ – 315-е<sup>8</sup>. В рейтинге THE в том же году МГУ – на 95-й позиции, а следующий за ним Московский физико-технический институт (МФТИ) – на 201–250-й<sup>9</sup>.

ТГУ в 1998 г. был включён в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации<sup>10</sup>. Университет был в числе первых, где разрабатывалась концепция исследовательского университета («академического университета») [40]. В 2010 г. ТГУ был присвоен статус национального исследовательского

университета<sup>11</sup>, а в 2018 г. он получил право самостоятельно присуждать учёные степени<sup>12</sup>. Впоследствии университет участвовал в крупных программах поддержки вузов, таких как Проект 5-100 и «Приоритет-2030», а по программе мегагрантов в ТГУ было создано 11 лабораторий под руководством ведущих учёных мира в разных областях наук, от физики до лингвистики<sup>13</sup>.

В каждом университете было проведено по 15 интервью с преподавателями и исследователями. У 2/3 информантов был советский опыт работы в вузе. Оставшиеся знали о нём от родителей или старших коллег. Включение «молодых» информантов в исследование было важным для понимания того, как новое поколение воспринимает советский опыт, и о каких его аспектах им известно. При пересмотре советского опыта воплощать использование его лучших практик будет именно поколение без опыта работы в СССР.

Все участники интервью имели научную степень кандидата или доктора наук и представляли разные факультеты и дисциплины, от физики, математики, химии, геологии и биологии до исторических,

<sup>6</sup> Федеральный закон «О Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» от 10.11.2009 № 259-ФЗ. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_93587/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93587/) (дата обращения: 10.05.2024).

<sup>7</sup> Федеральный закон от 23.05.2016 № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» URL: <https://base.garant.ru/71403246/> (дата обращения: 10.05.2024).

<sup>8</sup> QS World University Rankings 2024. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings?region=Europe&countries=ru> (дата обращения: 14.05.2024).

<sup>9</sup> THE World University Rankings 2024. URL: [https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking#/length/25/locations/RUS/sort\\_by/rank/sort\\_order/asc/cols/stats](https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking#/length/25/locations/RUS/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats) (дата обращения: 14.05.2024).

<sup>10</sup> Указ Президента РФ от 15.01.1998 № 30 «О включении отдельных объектов в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/2305640/> (дата обращения: 14.05.2024).

<sup>11</sup> Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2010 № 812-р «О перечне университетов, в отношении которых устанавливается категория «Национальный исследовательский университет». URL: <https://nic.gov.ru/ru/docs/russian/government/812-r> (дата обращения: 10.05.2024).

<sup>12</sup> Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2018 № 1766-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 23.08.2017 № 1792-р.» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71932210/> (дата обращения: 10.05.2024).

<sup>13</sup> Список лабораторий доступен по ссылке: <https://megagrant.ru/labs/> (дата обращения: 10.05.2024).

Таблица 1

Основные характеристики информантов

Table 1

Main characteristics of informants

| Характеристики информантов                   | МГУ | ТГУ | Всего, чел. |
|----------------------------------------------|-----|-----|-------------|
| Учёная степень                               |     |     |             |
| Доктор наук                                  | 9   | 6   | 15          |
| Кандидат наук                                | 6   | 9   | 15          |
| Без степени                                  | 0   | 0   | 0           |
| Пол                                          |     |     |             |
| Мужской                                      | 10  | 10  | 20          |
| Женский                                      | 5   | 5   | 10          |
| Опыт работы                                  |     |     |             |
| Наличие опыта работы в СССР                  | 10  | 10  | 20          |
| Без опыта работы в СССР (молодые сотрудники) | 5   | 5   | 10          |
| Область наук                                 |     |     |             |
| Естественные                                 | 8   | 9   | 17          |
| Общественные                                 | 5   | 2   | 7           |
| Гуманитарные                                 | 2   | 4   | 6           |

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

юридических, географических и экономических наук. В целом чуть больше половины составили представители естественных наук (Табл. 1).

Один из информантов МГУ имел звание академика и один член-корреспондента РАН. В МГУ половина информантов занимала должности заместителей деканов или заведующих кафедрами, в ТГУ три информанта имели помимо профессорско-преподавательских административные позиции. Наличие таких информантов важно, поскольку работа на административных должностях даёт более глубокие знания о специфике функционирования университета.

Результаты интервью

*Преимственность университетской модели*

Преимственность университетской модели и традиций описывалась в двух университетах по-разному, хотя в обоих университетах были сторонники взгляда, что модель университета неизменна, поскольку в каких бы условиях и в какие времена уни-

верситет ни работал, он всегда выполняет две функции: учит и проводит научные исследования:

*«Деятельность образовательная и научная остаётся малоизменённой. Появляются новые кафедры, направления, отношения к студентам... предназначение преподавателя остаётся примерно тем же»* (МГУ, д-р биол. наук, есть советский опыт);

*«... Томский университет образовывался как научно-исследовательский. Вот он и был научно-исследовательским и в советское, и в постсоветское время, поэтому принципиальное устройство университета, оно не менялось»* (ТГУ, д-р ист. наук, есть советский опыт).

В МГУ большинство информантов посчитало модель МГУ уникальной. Для неё характерно сохранение советских традиций и даже инерционность. Несменяемость ректора – тема, которую многие затрагивали, – видится большинству как гарантия устойчивости, надёжности и предсказуемости, а не как проблема несменяемости руководства со всеми её минусами:



*«Чем отличается Московский университет, – своей устойчивостью, консервативностью, неповоротливостью. ...благодаря этому он и сохраняется»* (МГУ, д-р биол. наук, есть советский опыт).

Университет достаточно успешно сопротивляется внешним изменениям, хотя упоминалось то, что преподавателей всё-таки вынудили подстраиваться под оказание «образовательных услуг»:

*«Если раньше было условно воспитание, то сейчас образовательные услуги. В советское время воспитывали ученика. Нужно было воспитать в своей научной вере, школе»* (МГУ, д-р физ.-мат. наук, есть советский опыт).

В ТГУ, в отличие от МГУ, рассуждали об исчерпании советской модели университета. Однако советский опыт не вспоминался однозначно, информанты видели как позитивные, так и негативные его черты. С одной стороны, было больше общения, коллеги были единомышленниками, существовала ясная структура управления. С другой стороны, была излишняя политизация и доминирование марксистской идеологии:

*«Советский университет – корпорация единомышленников. Традиции, которые были старые и в советское время нарабатывались, они теряются. Сейчас не осталось практически этих традиций»* (ТГУ, канд. юр. наук, нет советского опыта);

*«Совершенно изменился... способ управления университетом. Дело в том, что при советской власти был партком, и всё определял партком. И университет был политизирован. Мы проводили обязательно соответствующие занятия со студентами по специальной тематике, которая нам выдавалась»* (ТГУ, канд. физ.-мат. наук, есть советский опыт).

Переход к постсоветской модели рассматривается как большая трансформация, которая привела к скромным позитивным изменениям. Марксизм и идеология остались в прошлом, но ушли и стабильное финансирование, и предсказуемость, наука и обра-

зование не стали намного ближе, несмотря на различные меры и государственные программы:

*«Мне кажется, произошла разбалансировка внутри университетской модели между научной моделью, научными школами и образовательными процессами. До этого времени они как-то друг друга поддерживали, мне кажется, до середины 90-х гг., где-то до начала 2000-х. Потом научное направление стало как-то «сжигаться», потому что нагрузка большая. Этот дисбаланс и сейчас присутствует»* (ТГУ, д-р ист. наук, нет советского опыта).

### *Университетская автономия*

При обсуждении университетской автономии значительно больше внимания информанты уделили современному периоду. Они напрямую связывали автономию и политику государства, не упоминая других стейкхолдеров. Таким образом доминирующее представление состоит в том, что университет сильно зависит от государства и автономия возможна в той степени, в какой государство это позволяет, вводя или ослабляя нормативно-правовые ограничения. Следовательно, университетская автономия больше рассматривалась в ракурсе юридической, а не фактической автономии.

Оценка временных периодов, их сути с точки зрения степени автономии в двух университетах оказалась сходной. Обобщая, картина складывается так: в советское время у университетов было мало автономии, в начале постсоветского периода она стала максимальной. При этом свобода 90-х гг. не была результатом государственной политики. Университетам просто уделялось мало внимания, и они были в «свободном плавании». Затем началось сворачивание автономии, и последние 10 лет происходил возврат к советской модели, скорее по эмоциональным ощущениям, чем по каким-либо фактам:

*«Университетская автономия... была максимальной в 90-е. Государству было не до университета. Всё, что происходило*

*внутри университетов, было делом самих университетов. А в советское время была довольно жёсткая система. Автономии не было. Может, в мелких нюансах»* (МГУ, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН, есть советский опыт);

*«Мне кажется, больше свободы в самоопределении появилось на исходе перестройки, к концу 80-х – в 90-е гг. Вообще, тогда объективно появилось больше возможностей в научном плане»* (ТГУ, д-р ист. наук, нет советского опыта);

*«...сейчас автономии стало меньше. Вертикаль. Раньше больше вопросов решалось на уровне факультета. Сейчас всё решается в министерстве, ректорате»* (МГУ, д-р физ.-мат. наук, есть советский опыт);

*«...сейчас у нас степень свободы не больше, чем в советское время. У нас отобрали даже ... выборы ректора. ...уменьшение свободы, уменьшение самостоятельности, уменьшение значения влияния коллективов. Замечательная вертикаль власти, и никакой демократии»* (ТГУ, д-р ист. наук, есть советский опыт).

В ТГУ автономию чаще всего увязывали с характером бюджетного финансирования. При этом о науке и образовании в контексте автономии говорилось мало:

*«Сейчас автономия больше. Связано с тем, что университеты находятся на самофинансировании. В первую очередь автономия – это финансирование»* (ТГУ, канд. геол.-минёр. наук, нет советского опыта);

*«Университет свободен по определению внутренней политики, атмосферы, отношению к преподавателям и студентам. Однако эта свобода – в жёстких границах. Эти границы ... определяются деньгами»* (ТГУ, канд. филол. наук, нет советского опыта).

В МГУ внимание было уделено закону 2009 г., когда МГУ получил особый статус. С одной стороны, он гарантировал бюджетное финансирование, позволил университету самостоятельно проводить защиты диссертаций на соискание учёной степени, с другой – отменил выборность, а значит

снизил автономию. Поэтому одни считали закон символом снижения автономии, а другие – «защитой», «крышей», в том числе позволяющей быть более автономными:

*«Особый статус МГУ – это огромная позитивная сторона, что мы всегда под некоторой крышей»* (МГУ, д-р биол. наук, есть советский опыт).

В целом в откликах МГУ позитив появляется только тогда, когда речь идёт именно о самом МГУ, а не о российских исследовательских университетах. У информантов было чёткое осознание «особости» и уникальности своего университета.

ТГУ также получил право самостоятельно присуждать учёные степени, поэтому многие считали, что автономия возросла:

*«У нас уже появляются автономные программы, курсы. Естественно, раньше система была очень жёстко регламентирована»* (ТГУ, д-р хим. наук, есть советский опыт).

### Академическая свобода

Интервью в целом подтвердили, что университетская автономия и академическая свобода не прямо пропорциональны. По мнению информантов, в периоды сокращающейся автономии академические свободы не ограничивались. Академическая свобода, как и автономия, рассматривалась в основном в зависимости от объёмов и источников финансирования, в первую очередь в науке. Проявилась ностальгия по стабильному и гарантированному финансированию, каким оно было в СССР. Именно это некоторые считали залогом академической свободы – тогда финансирование выделялось без обременения какими-либо «показателями результативности». Появление научных фондов и переход к грантовому государственному финансированию воспринимаются как сокращение свобод, поскольку правильное написание заявок с учётом приоритетных направлений, определённых государством, заставляет подстраиваться под мейнстрим. Грантовая система критикова-

лась и за понуждение к публикационной гонке:

*«... у каждого учёного есть желание что-то сделать, открыть, это не всегда совпадает с тем, на что дают гранты. Если бы сейчас Максвелл написал заявку в РФН про открытие уравнение Максвелла, ему бы дали ноль»* (МГУ, д-р физ.-мат. наук, есть советский опыт);

*«Тем, кто идёт в науку, я всегда объясняю: вы не думайте, что будете делать то, что хотите. ... есть конъюнктура, там же выбираешь направления приоритетные. Иногда притягиваешь интересную тебе тему каким-то образом, но всё равно в рамках заданных направлений всегда действуешь»* (ТГУ, д-р биол. наук, есть советский опыт).

Постсоветский период с точки зрения отношения к грантовой системе оказался неоднородным. По оценкам информантов, возможности заниматься наукой за счёт средств грантов были самыми большими в 90-х гг. и начале 2000-х гг. Действительно, система государственных фондов сильно эволюционировала от многообразия к практической концентрации программ грантового финансирования в единственном Российском научном фонде:

*«Грантовое финансирование науки носило непродолжительное время более-менее удачный характер, но быстро выродилось. Сейчас это порочная система»* (ТГУ, канд. физ.-мат. наук, есть советский опыт).

Гранты, по представлениям информантов, не дают такой же отдачи, материальной и моральной, как хоздоговора с предприятиями в советское время. Контракты от бизнеса не стали альтернативой ушедшим в прошлое хоздоговорам. При этом интерес компаний к поддержке научных исследований в университетах невелик ввиду отсутствия «свободных средств»:

*«С наукой в советское время всё было намного сложнее, с другой стороны – намного проще. Проще в чём: существовал госбюджет. Заслуживаешь ты или нет – деньги*

*всё равно давали, пусть и не очень большие. И была система хоздоговоров. Всё это было очень органично»* (ТГУ, д-р биол. наук, есть советский опыт);

*«Раньше было больше хоздоговоров. Сейчас наша промышленность не готова серьёзные заказы делать»* (МГУ, канд. физ.-мат. наук, есть советский опыт).

Сравнение двух университетов показывало, что в МГУ было вдвое больше, чем в ТГУ, позитивно оценивающих имеющиеся академические свободы. Многие информанты из МГУ полагали, что свободы у них всегда были и есть:

*«... я не видел, чтобы кто-то запрещал писать статьи и исследовать... Я пишу статьи и могу выражать позиции, которые не совсем симпатичны руководству. В этом проблем нет. Политизации нет»* (МГУ, д-р экон. наук, нет советского опыта).

В ТГУ состояние академических свобод оценивалось неоднозначно, хотя и здесь были те, кто считает, что академические свободы стабильны и неизменны. Автономия университета может варьироваться, а свободы остаются. Однако многие информанты высказывали мнение, что свободы сократились из-за новой, по сравнению с советской, модели финансирования исследований (речь опять идёт о грантовой системе) и общей бюрократизации процессов в университете. Бюрократическую нагрузку воспринимают как наступление на академическую свободу, даже если сохраняется свобода того, как преподавать и исследовать. Акцентировалась важность свободы «от» (бюрократии, отчётности, и т.д.), а не свобода «для» (преподавания, исследований):

*«И тематика, и деньги, они определяют рамки этой свободы. Деньги всё определяют. Кто платит деньги – тот заказывает музыку...»* (ТГУ, канд. физ.-мат. наук, есть советский опыт).

Исторически лучшим периодом с точки зрения академических свобод многие информанты ТГУ посчитали перестроечный период и 90-е гг. Первые постсоветские годы

получили такую позитивную оценку в том числе потому, что тогда активно развивалась международная кооперация, а это и является признаком свободы в науке:

*«Улучшение настало только тогда, когда у наших сотрудников появилась возможность влиться в мировую науку, когда были открыты границы, когда наши сотрудники могли стажироваться где-нибудь за границей, и к нам приезжали, конечно. Международные связи – это основа любой науки»* (ТГУ, канд. физ.-мат. наук, есть советский опыт).

Современный период многими воспринимается таким, что на его фоне советский опыт выглядит позитивно:

*«Мне кажется, слишком много у нас сверху не только контроля, но и много навязывают. То есть внутренней творческой свободы у нынешних преподавателей нет. Что учить, как писать, что должно быть в учебных программах. Мне кажется, в советский период это так жёстко не регламентировалось»* (ТГУ, д-р ист. наук, нет советского опыта).

Была затронута тема границ академической свободы, которая всё-таки не должна быть безграничной:

*«Есть всегда спор между свободой и вседозволенностью. С одной стороны, МГУ всегда позиционировал себя как место, где разные научные школы, которые могут создавать свои образовательные дисциплины. Один курс на разных кафедрах могли читать по-разному, и студенты выбирали. Но, базовые курсы хорошо бы читать одинаково. Одно время это было не так. Мы поняли, что хорошо бы, чтобы у академической свободы был определённый стандарт»* (МГУ, канд. экон. наук, нет советского опыта).

С академической свободой косвенно связывали и статус преподавателя. Говорилось о том, что преподаватель поставлен в рамки, когда академическая свобода уже и не нужна. При этом в ТГУ было единодушное мнение о падении статуса преподавателя из-за низкого уровня финансирования и нового

менеджериализма. В МГУ также говорили о связи финансирования и престижа профессии, но при этом был отмечен особый статус в обществе профессора МГУ. Более того, статус профессора МГУ не только сохраняется, но даже растёт, на фоне падения престижа преподавательской профессии:

*«Престижность профессора МГУ она другая, чем вообще профессора. Единственное, что даёт МГУ – это бренд»* (МГУ, д-р ист. наук, есть советский опыт);

*«Статус и престиж профессора сильно упал. В советское время они были более свободны. Они приходили, читали лекции, общались с аспирантами. Не было загруженности бумажной как сейчас»* (ТГУ, д-р хим. наук, есть советский опыт);

*«Снижение статуса связано с зарплатами. Статус определяется деньгами»* (МГУ, канд. ист. наук, есть советский опыт).

Таким образом, судя по высказанным мнениям, зарплата и академическая свобода имеют положительную связь.

### Дискуссия и выводы

Университетская автономия и академическая свобода воспринимаются большинством информантов во многом как синонимы. Они видят это как независимость университета и преподавателей в обучении и научных исследованиях. Однако с трактовкой автономии университета и её эволюции у информантов возникало больше трудностей, чем с понятием академической свободы. Последнее, относясь к индивидам, было им ближе. Как правило, преподаватели были плохо осведомлены об особенностях управления в своих университетах, взаимоотношениях с государством и иными стейкхолдерами. В первую очередь рассматривалась формальная автономия, и она мало ассоциировалась с самоуправлением. Хотя в ТГУ эта тема звучала, в МГУ многие акцентировали внимание на важности сохранения советских традиций, преемственности опыта того времени. Это соотносится с представлениями о том, что преемственность выше там,



где руководители занимали свои посты в течение длительного времени [6]. Действительно, с 1992 г. МГУ возглавляет несменяемый ректор, и такая стабильность позволила с меньшими потрясениями сохранить преемственность, включая часть советских норм, в первую очередь в образовании (сохранение специалитета, возможности проводить собственные приёмные экзамены). Поэтому у информантов сформировалась скорее «эмоциональная связь с прошлым, чем критический взгляд на него» [1].

Исследование подтвердило, что автономия и свобода не обязательно взаимно обуславливают друг друга [4]. Недостаток автономии не воспринимался как фактор давления на академическую свободу. В контексте преемственности советский опыт вспоминался как уже далёкое прошлое. Некоторые информанты оценивали современные условия как возврат к советской модели в её негативной коннотации, что совпало с более ранними наблюдениями [23].

Разность мнений между представителями естественных и общественных наук была меньше, чем различия во взглядах между двумя университетами. Безусловно, представители общественных наук чаще сталкивались с проблемами выбора тематик и интерпретации результатов, как в преподавании, так и в исследовательской работе. Поэтому их оценки академических свобод были более сдержанными. Ситуацию в естественных науках хорошо выразил один из респондентов, сказавший, что *«мы были свободны и в советское, и в постсоветское время. Ты должен учить математике и физике, это не связано с политикой и идеологией»* (МГУ, канд. .физ.-мат. наук, есть советский опыт).

В числе факторов, больше всего влияющих на автономию и академическую свободу, чаще всего упоминались изменения принципов и условий финансирования, включая его связь с отчётностью по показателям публикационной активности. Такое внимание к финансированию закономерно, поскольку даже привилегированным университетам

выделялись бюджетные средства в размере, не позволяющем им в полной мере обеспечить ресурсами научную и образовательную деятельность [41]. Проблемы финансирования повлияли на статус, престиж преподавателя, как в вузе, так и в обществе. Свой вклад в это внёс утвердившийся на долгое время взгляд на вузы как на организации по оказанию образовательных услуг. При таком подходе логичным образом сокращаются и автономия, и академические свободы.

Публикационное давление, судя по откликам, стало не критичным, но оно продолжает рассматриваться как ограничение академической свободы. В этом отличие от прежних исследований политики по стимулированию публикационной активности, особенно в Проекте 5-100. Тогда о негативных сторонах публикационной гонки говорили преподаватели и учёные во многих университетах – участниках Проекта, но в то же время отмечался и позитив «принуждения к публикациям», поскольку это стало стимулом к профессиональному росту [42].

Ещё один важный аспект финансирования, который раскрыли интервью, состоит в роли промышленности, а именно хоздоговоров с предприятиями, которые выполняли вузы. Значение финансирования от промышленности в советский период отмечалось и ранее [43]. Этот источник так и не восстановился в полной мере после реформ и приватизационных мероприятий.

Если рассматривать мнения информантов в зависимости от наличия опыта работы в советское время, то оказывается, что существенной разницы в оценках между поколениями нет. В МГУ молодые участники интервью достаточно позитивно оценивали современный период и признавались, что плохо знают о советском опыте. В ТГУ среди представителей молодого поколения оказались как сторонники, так и противники советских практик, причём были те, кто уверенно рассуждал о положительных чертах автономии и академических свобод в период, который они лично не застали.



Реалистичен ли возврат к советскому опыту? Информанты сделали акцент на финансовых условиях, на том, какие преимущества давала советская система с точки зрения гарантированной поддержки, не обременённой показателями результативности. Если рассматривать возможности использования советских практик в этой области, то их реанимация едва ли возможна. Советская система обеспечивала централизованно ресурсами, достаточными для проведения исследований и обучения. В условиях ограниченных ресурсов возврат к централизованному распределению средств по принципу «базового финансирования» не обеспечит прежних условий, о которых с ностальгией вспоминали информанты.

Ограниченные бюджетные средства требуют другого подхода, а именно, поиска возможностей диверсификации источников финансирования. Это касается и грантовых средств (должны быть разные фонды, в том числе внебюджетные), и финансирования от промышленности. Позитивные воспоминания о такой форме работы, как хоздоговора, свидетельствует о растущей готовности преподавателей работать с индустрией. Но это должны быть новые, опять же разнообразные, формы взаимодействий, реализуемые на разных финансовых условиях.

### Заключение

В конечном счёте интервью показали важность диверсификации (источников финансирования науки, методических подходов к преподаванию и др.) как условия, необходимого для университетской автономии и обеспечения академической свободы.

Представленные результаты — это первый этап работы по проекту, в рамках которого планируется провести интервью ещё в нескольких исследовательских университетах, что даст более глубокое понимание сходств и различий между различными дисциплинами, возрастными группами и вузами в целом.

### Литература

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. 751 с. ISBN 5-02-026885-2.
2. Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. №1 [91]. С.41–64. EDN: RVRGVR.
3. Penneman, H.J. De Groof, G. Neave, J. Svec, Democracy and Governance in Higher Education // European Journal for Education, Law and Policy. 1998. Vol. 2. P. 218–220. DOI: 10.1023/A:1022958626911
4. Никольский В. Университетская автономия и академическая свобода (критический взгляд на взаимосвязь традиционных ценностей) // Высшее образование в России. 2008. № 6. С. 147–155. EDN: JJRPMR.
5. Майер Г.В. Исследовательский университет: принципы, среда, инновации, традиции. Исторический аспект // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 2. С. 6–12. DOI: 10.15826/umpa.2021.02.011
6. Vodichev E. Universities in Russia: Current Reforms Through the Prism of Soviet Heritage and International Practice // Sciences in the Universities of Europe, Nineteenth and Twentieth Centuries: Academic Landscapes: ed. by Kostas Gavroglu, Maria Paula Diogo & Ana Simxes. Dordrecht: Springer Verlag, 2015. DOI: 10.1007/978-94-017-9636-1\_11
7. Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н. Прагматика традиции, или актуальное прошлое для российских университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. Гл. 3. М.: НИУ ВШЭ. 2013. С. 61–95.
8. Лешуков О.В., Фрумэн И.Д. Флагианские университеты: от советского опыта к поиску новой модели // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 4. С. 22–29. DOI: 10.15826/umpa.2017.04.046
9. Стафилов В.С. Качественный сравнительный анализ трансформаций вузов: от советского классического к постсоветскому исследовательскому университету // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 134–143. EDN: TXULTX.
10. Maassen P., Gornitzka E, Fumasoli T. University reform and institutional autonomy: A framework for analysing the living au-

- tonomy // Higher Education Quarterly. 2017. No. 71. P. 239–250. DOI: 10.1111/hequ.12129
11. Roness P., Verboest K., Rubecksen K., MacCarthybaigh M. Autonomy and Regulation of State Agencies: Reinforcement, Indifference or Compensation? // Public Organization Review. 2008. Vol. 8. No. 2. P. 155–174. DOI: 10.1007/s11115-008-0057-4
  12. Кузьминов Я., Юдкевич М. Академическая свобода и стандарты поведения // Вопросы экономики. 2007. Т. 6. № 6. С. 80–93. DOI: 10.32609/0042-8736-2007-6-80-93
  13. Asbby E., Anderson M. Universities: British, Indian, African. A Study of the Ecology of Higher Education. Cambridge: Harvard University Press. 1966. 571 p.
  14. Berdabl R. Academic-Freedom, Autonomy and Accountability in British Universities // Studies in Higher Education. 1990. Vol. 15. No. 2. P. 169–180. DOI: 10.1080/03075079012331377491
  15. Albormoz O. Autonomy and accountability in higher education // Prospects. 1991. Vol. 21. No. 2. P. 204–213. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000090812> (дата обращения: 14.05.2024).
  16. Estermann T., Nokkala T. University Autonomy in Europe: Exploratory Study. Brussels: European University Association, 2009. 48 p. URL: <https://eua.eu/downloads/publications/university%20autonomy%20in%20europe%201%20-%20exploratory%20study%20.pdf> (дата обращения: 14.05.2024).
  17. Ritzen J. University autonomy: Improving educational output // IZA World of Labor. 2016. Article no. 240. DOI: 10.15185/izawol.240
  18. Verboest K., Peters B. G., Bouckaert G., Verschueren B. The study of organisational autonomy: a conceptual review // Public Administration and Development: The International Journal of Management Research and Practice. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 101–118. DOI: 10.1002/pad.316
  19. De Boer H., Enders J. Working in the shadow of hierarchy: Organisational autonomy and venues of external influence in European universities // Managing Universities: Policy and Organizational Change from a Western European Comparative Perspective: ed. by I. Bleiklie, J. Enders, & B. Lepori. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2017. 343 p. DOI: 10.1007/978-3-319-53865-5\_3
  20. Bain O. *University Autonomy from the Top Down: Lessons from Russia* // International Higher Education. 2002. No. 27. P. 22–24. DOI: 10.6017/ihe.2002.27.6972
  21. Соколов М., Лопатина С., Яковлев Г. От товарищества к учреждениям: конституционная история российских вузов // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2018. вып. 3 (сентябрь). С. 120–145. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-120-145
  22. Agasisti T., Shibanova E. Autonomy, Performance And Efficiency: An Empirical Analysis Of Russian Universities 2014-2018 // WP BRP 224/EC/2020, HSE Working papers, National Research University Higher School of Economics. 2020. 39 p. DOI: 10.2139/ssrn.3553716
  23. Мазур Л.Н., Карманова Е.Д. К вопросу об автономии российских университетов: историко-документоведческое исследование уставов XIX–XXI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 156–169. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.2.11
  24. Ефимова Г. З., Грибовский М. В. Престиж университетского преподавателя в России: историческая ретроспектива и современное состояние // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 2. С. 30–44. DOI: 10.15826/umpra.2023.02.011
  25. Ендовицкий Д.А., Бубнов Ю.А., Гайдар К.М. Современное состояние автономии российских университетов (взгляд со стороны ректорского корпуса) // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 11. С. 21–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-11-21-32
  26. Зинченко Д.И., Егоров А.А. Моделирование эффективности российских университетов // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 23. № 1. С. 143–172. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-1-143-172
  27. Роцин Е.Н., Потапова Е.Б. Быть не в своей воле, или о необходимости академической автономии // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 4. С. 47–58. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-4-47-58
  28. Aberbach J. D., Christensen T. Academic Autonomy and Freedom under Pressure: Severely Limited, or Alive and Kicking? // Public Organization Review. 2018. Vol. 18. P. 487–506. DOI: 10.1007/s11115-017-0394-2
  29. Schmidt E. K., Langberg K. Academic Autonomy in a Rapidly Changing Higher Education Framework: Academia on the Procrustean

- Bed? // European Education. 2007. Vol. 39. № 4. P. 80–94. DOI: 10.2753/EUE1056-4934390406
30. Etomaru I., Ujeyo M. S., Lubanya A., Kimo-ga J. Institutional Autonomy: Implications for Teaching and Research in Public Universities in Uganda // International Research in Higher Education. 2016. Vol. 1. № 2. P. 133–142. DOI: 10.5430/irhe.v1n2p133
  31. Николайский В.С. «Академическая свобода» как язык самоописания университета // Высшее образование в России. 2013. № 2. С. 73–78. EDN: PVJWQB.
  32. Ren K., Li J. Academic Freedom and University Autonomy: A Higher Education Policy Perspective // Higher Education Policy. 2013. No 26. P. 507–522. <https://doi.org/10.1057/hep.2013.31>
  33. Zavadskaya M., Gerber T. Rise and fall: social science in Russia before and after the war // Post-Soviet Affairs. 2023. Vol. 39. No. 1–2. P. 108–120. DOI: 10.1080/1060586X.2022.2164450
  34. Попов Е.А. Академизм в оценках профессоров классических университетов // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 6. С. 62–76. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-62-76
  35. Абрамов Р.Н. Менеджериализм и академическая профессия: конфликт и взаимодействие // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 37–47. EDN: NXSDNJ.
  36. Кочухова Е. Академическая профессия глазами преподавателей // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2020. № 2. С. 278–302. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-2-278-302
  37. Курбатова М.В., Каган Е.С. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8. № 3. С. 116–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136
  38. Томилин О.Б., Ключев А.К. «Чёрные лебеди» организационного дизайна российских университетов // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8–9. С. 44–55. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-44-55
  39. Dezbina I. The Publication Race in Russian Universities as an Impediment to Academic Freedom // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2022. Vol. 30. No. 1. P. 135–157. URL: <https://www.muse.jhu.edu/article/847106> (дата обращения: 14.05.2024).
  40. Майер Г.В., Зинченко В.И., Ревушкин А.С. «Академический университет» как модель интеграции фундаментальной науки и элитарного образования // Известия высших учебных заведений. Физика. 1998. Т. 41. № 9. С. 3–7. EDN: ZBOBXN.
  41. Froumin I., Kuzminov Y. I., Semyonov D. Institutional diversity in Russian higher education: revolutions and evolution // European Journal of Higher Education. 2014. Vol. 4. No. 3. P. 209–234. DOI: 10.1080/21568235.2014.916532
  42. Дежина И.Г., Сорокин А.Н. Проект 5-100 в восприятии сотрудников университетов // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 74–90. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90
  43. Fedyukin I., Kliagin A., Frumin I. Russia: The Rise of Research Universities // Building Research Capacity at Universities: ed. by M. Chankseiani, I. Fedyukin, I. Frumin. Palgrave Macmillan, Cham., 2022. DOI: 10.1007/978-3-031-12141-8\_7
- Благодарность:** Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>
- Статья поступила в редакцию 16.04.2024  
Принята к публикации 17.05.2024

## References

1. Savel'eva, I.M., Poletaev, A.V. (2006). *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya*. T. 2. *Obrazy proshlogo*. [Knowledge of the past: theory and history. Vol. 2. Images of the Past]. Saint-Petersburg: Nauka, 751 p. ISBN 5-02-026885-2 (In Russ.).
2. Dmitriev, A. (2013). *Pereizobretenie sovetskogo universiteta* [Reinventing the Soviet University]. Logos. No. 1(91), pp. 41–64. Available at: [https://www.intelros.ru/pdf/logos/2013\\_1/3.pdf](https://www.intelros.ru/pdf/logos/2013_1/3.pdf) (accessed 14.05.2024) (In Russ.).
3. Penneman, H.J. De Groof, G. Neave, J. Svec, (1998). Democracy and Governance in Higher Education. European Journal for Education, Law and Policy. Vol. 2, pp. 218–220, doi: 10.1023/A:1022958626911

4. Nikolsky V. (2008). [University autonomy and academic freedom (a critical look at the interrelationship of traditional values)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 6, pp. 147-155. Available at: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_11135443\\_13570229.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11135443_13570229.pdf) (accessed 14.05.2024) (In Russ.).
5. Mayer, G.V. (2021). Research university: principles, environment, innovations, traditions. Historical aspect. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 25, no. 2, pp. 6-12, doi: 10.15826/umpa.2021.02.011 (In Russ., abstract in Eng.).
6. Vodichev, E. (2015). Universities in Russia: Current Reforms Through the Prism of Soviet Heritage and International Practice. In: Kostas Gavroglu, Maria Paula Diogo & Ana Simxes (eds.). *Sciences in the Universities of Europe, Nineteenth and Twentieth Centuries: Academic Landscapes*. Dordrecht: Springer Verlag, doi: 10.1007/978-94-017-9636-1\_11
7. Vishlenkova, E.A., Dmitriev, A.N. (2013). Pragmatika traditsii, ili Aktual'noe proshloe dlya rossiiskikh universitetov [The Pragmatics of Tradition, or the Actual Past for Russian Universities] In *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov*. Moscow: NRU HSE, pp. 61-95. (In Russ.)
8. Leshukov, O.V., Froumin, I.D. (2017). Flagship universities: from soviet experience to searching for new model. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 21, No. 4, pp. 22-29, doi: 10.15826/umpa.2017.04.046 (In Russ., abstract in Eng.)
9. Starikov, V. (2016). Qualitative Comparative Analysis of HEIs' Transformation: From Soviet Classical to Post-Soviet Research University. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 7, no. 2, pp. 134-143. Available at: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_26290674\\_14403817.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26290674_14403817.pdf) (accessed 14.05.2024) (In Russ., abstract in Eng.).
10. Maassen, P, Gornitzka, E, Fumasoli, T. (2017). University reform and institutional autonomy: A framework for analysing the living autonomy. *Higher Education Quarterly*. No. 71, pp. 239-250, doi: 10.1111/hequ.12129
11. Roness, P., Verhoest, K., Rubecksen, K., MacCarthaigh, M. (2008). Autonomy and Regulation of State Agencies: Reinforcement, Indifference or Compensation? *Public Organization Review*. Vol. 8, no. 2, pp. 155-174, doi: 10.1007/s11115-008-0057-4.
12. Kouzminov, Ya., Yudkevich, M. (2007). Academic Freedom and the Standards of Behavior. *Voprosy Ekonomiki*. No. 6, pp. 80-93, doi: 10.32609/0042-8736-2007-6-80-93 (In Russ.)
13. Ashby, E., Anderson, M. (1966). *Universities: British, Indian, African. A study of the ecology of higher education*. Cambridge: Harvard University Press, 571 p.
14. Berdahl, R. (1990) Academic-Freedom, Autonomy and Accountability in British Universities. *Studies in Higher Education*. Vol. 15, no. 2, pp. 169-180, doi:10.1080/03075079012331377491
15. Albornoz, O. (1991). Autonomy and accountability in higher education. *Prospects*. Vol. 21, no. 2, pp. 204-213. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000090812> (accessed 14.05.2024).
16. Estermann, T., Nokkala, T. (2009). *University autonomy in Europe: exploratory study*. Brussels: European University Association, 48 p. Available at: <https://eua.eu/downloads/publications/university%20autonomy%20in%20europe%201%20-%20exploratory%20study%20.pdf> (accessed 14.05.2024).
17. Ritzen, J. (2016). University autonomy: Improving educational output. *IZA World of Labor*. March 2016, article no. 240, doi: 10.15185/izawol.240
18. Verhoest, K., Peters, B.G., Bouckaert, G., Verschuere, B. (2004). The study of organisational autonomy: a conceptual review. *Public Administration and Development: The International Journal of Management Research and Practice*. Vol. 24, no. 2, pp. 101-118, doi: 10.1002/pad.316



19. De Boer, H., Enders, J. (2017). Working in the shadow of hierarchy: Organisational autonomy and venues of external influence in European universities. In: I. Bleiklie, J. Enders, & B. Lepori (Eds.). *Managing Universities: Policy and Organizational Change from a Western European Comparative Perspective*. New York, NY: Palgrave Macmillan, 343 p. DOI:10.1007/978-3-319-53865-5\_3
20. Bain, O. (2002). *University Autonomy from the Top Down: Lessons from Russia*. *International Higher Education*. No.27, pp. 22-24, doi: 10.6017/ihe.2002.27.6972
21. Sokolov, M., Lopatina, S., Yakovlev, G. (2018). From Partnerships to Bureaucracies: The Constitutional Evolution of Russian Universities. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3, pp. 120-45, doi: 10.17323/1814-9545-2018-3-120-145 (In Russ., abstract in Eng.)
22. Agasisti, T., Shibanova, E. (2020). Autonomy, Performance And Efficiency: An Empirical Analysis Of Russian Universities 2014-2018, *WP BRP 224/EC/2020, HSE Working papers*, NRU HSE, 39 p., doi: 10.2139/ssrn.3553716
23. Mazur L.N., Karmanova E.D. (2020). Autonomy of Russian Universities: Historical Documentation Research of the 19th – 21st Century University Charters. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. Vol. 25, no. 2, pp. 156-169, doi: 10.15688/jvolsu4.2020.2.11 (In Russ., abstract in Eng.).
24. Efimova, G.Z., Gribovskiy, M.V. (2023). Prestige of a University Teacher in Russia: Historical Retrospective and Current State. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 27, no. 2, pp. 30-44, doi: 10.15826/umpa.2023.02.011 (In Russ., abstract in Eng.).
25. Endovitskiy, D.A., Bubnov, Yu.A., Gaidar, K.M. (2020). Autonomy of Modern Russian Universities: Rectors' Attitude. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 11, pp. 21-32, doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-11-21-32 (In Russ., abstract in Eng.).
26. Zinchenko, D.I., Egorov, A.A. (2019). Efficiency Modeling of Russian Universities. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki=Higher School of Economic Economic Journal*. Vol. 23, no. 1, pp. 143-172, doi: 10.17323/1813-8691-2019-23-1-143-172 (In Russ., abstract in Eng.).
27. Roshchin, E.N., Potapova, E.B. (2021). Being not in One's Own Will, or On the Need for Academic Autonomy. *Theoretical and Applied Law*. No. 4, pp. 47-58, doi: 10.22394/2686-7834-2021-4-47-58 (In Russ., abstract in Eng.)
28. Aberbach, J.D., Christensen, T. (2018). Academic Autonomy and Freedom under Pressure: Severely Limited, or Alive and Kicking? *Public Organization Review*. Vol. 18, pp. 487–506, doi: 10.1007/s11115-017-0394-2
29. Schmidt, E.K., Langberg, K. (2007). Academic Autonomy in a Rapidly Changing Higher Education Framework: Academia on the Procrustean Bed? *European Education*. Vol. 39, no. 4, pp. 80-94, doi: 10.2753/EUE1056-4934390406
30. Etomaru, I., Ujeyo, M.S., Luhanya, A., Kimoga J. (2016). Institutional Autonomy: Implications for Teaching and Research in Public Universities in Uganda *International Research in Higher Education*. Vol. 1, no. 2, pp. 133-142, doi: 10.5430/irhe.v1n2p133
31. Nikolsky, V.S. (2013). Academic Freedom as a University's Language of Self-Description. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 2, pp. 73-78. Available at: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_18799061\\_39456765.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18799061_39456765.pdf) (accessed 14.05.2024) (In Russ., abstract in Eng.).
32. Ren, K., Li, J. (2013). Academic Freedom and University Autonomy: A Higher Education Policy Perspective. *Higher Education Policy*. No. 26, pp. 507-522, doi: 10.1057/hep.2013.31
33. Zavadskaya, M., Gerber, T. (2023). Rise and fall: social science in Russia before and after the war *Post-Soviet Affairs*. Vol. 39, no.1-2, pp. 108-120, doi: 10.1080/1060586X.2022.2164450



34. Popov, E.A. (2022). Academism in the Assessments of Professors of Classical Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 6, pp. 62-76, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-62-76 (In Russ., abstract in Eng.).
35. Abramov, R.N. (2011). Managerialism and the academic profession: conflict and interaction *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No.7, pp. 37-47. Available at: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_16528708\\_85923440.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16528708_85923440.pdf) (accessed 15.05.2024) (In Russ.).
36. Kochukhova, E. (2020). The Academic Profession as Perceived by Faculty *Voprosy Obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 2, pp. 278-302, doi: 10.17323/1814-9545-2020-2-278-302 (In Russ., abstract in Eng.).
37. Kurbatova, M.V., Kagan, E.S. (2016). Opportunism of University Lecturers As a Way to Adaptate the External Control Activities Strengthening *Journal of Institutional Studies*. Vol. 8, no. 3, pp. 116-136, doi: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136 (In Russ., abstract in Eng.).
38. Tomilin, O.B., Klyuev, A.K. (2021). "Black Swans" in Organizational Design of Russian Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 8-9, pp. 44-55, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-44-55 (In Russ., abstract in Eng.).
39. Dezhina, I. (2022). The Publication Race in Russian Universities as an Impediment to Academic Freedom *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 30, no. 1, pp. 135-157. Available at: <https://www.muse.jhu.edu/article/847106> (accessed 14.05.2024).
40. Mayer, G.V., Zinchenko, V.I., Revushkin, A.S. (1998). "Academic University" as a model of integration of fundamental science and elite education. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Fizika = Proceedings of Higher Education. Physics*. Vol. 41, no. 9, pp. 3-7. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000396402> (accessed 15.05.2024) (In Russ.).
41. Froumin, I., Kouzminov, Y., Semyonov, D. (2014). Institutional diversity in Russian higher education: revolutions and evolution. *European Journal of Higher Education*. Vol. 4, no. 3, pp. 209-234, doi: 10.1080/21568235.2014.916532
42. Dezhina, I.G., Sorokin, A.N. (2022). The Perception of the Project 5-100 by University Employees. *Universe of Russia*. Vol. 31, no. 1, pp. 74-90, doi: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90 (In Russ., abstract in Eng.).
43. Fedyukin, I., Kliagin, A., Frumin, I. (2022). Russia: The Rise of Research Universities In: Chank-seliani, M., Fedyukin, I., Frumin, I. (eds). *Building Research Capacity at Universities*. Palgrave Macmillan, Cham, doi: 10.1007/978-3-031-12141-8\_7

**Acknowledgement:** The research was supported by RSF grant No. 23-18-00048, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00048/>

*The paper was submitted 16.04.2024*

*Accepted for publication 17.05.2024*